

К западу от Токио находились три горные гряды.

На дальнем севере располагилась горная гряда Окутамы, на юг до холмов Акигавы раскинулась долина Акигавы, и к югу от неё разместились горные гряды Хатиодзи и Такао.

Глубоко в горах Хатиодзи с востока на запад тянулась автомагистраль. Громадная дорога пролегла сквозь южную часть Хатиодзи, давая проход в Каннагаву, так что это была удобная область для транспортировки, несмотря на горы.

Давным-давно, Хатиодзи славилось множеством прядильных фабрик. После этого разрослись другие отрасли промышленности, но в горах по-прежнему сохранились остатки устаревших предприятий.

Одно из таких скрывалось там, хотя и занимало обширный участок земли.

Несмотря на то, что предприятие забросили, земля и дорога к нему по-прежнему поддерживались.

В дневной час, когда полуденное солнце пропитывало гору жаром, и воздух наполнился стрекотанием цикад, на старый участок фабрики вошла небольшая фигура.

То была девушка, одетая в платье сафари и соломенную шляпу.

Неся в правой руке громадную плетёную корзину, она вошла на пустынную площадь перед фабрикой.

Вслед за этим, она подняла левую руку, средний палец которой обрамляла цепочка. Конец цепочки упал ей на ладонь и содержал синий камушек.

Она оглянулась, чтобы удостовериться, что никого вокруг нет, и шагнула вперёд.

— Минералы наделены жизнью.

В следующий миг её окружение полностью переменялось.

Стрекотание цикад пропало, и в воздухе слабо повеяло смазкой.

— ...

Но что гораздо сильнее бросалось в глаза — фабрика перед ней больше не выглядела заброшенной.

Она осталась такой же дряхлой, но её явно до сих пор использовали. Вокруг строения лежали жаростойкие доски, и в тени сидело множество людей в рабочей одежде.

Старый кассетный плеер проигрывал радио-запись с прошлой ночи.

Воспоминания ди-джея об эпохе Сёва служили фоном для пожилого прораба, дающего собственные комментарии молодым рабочим.

Девушка засеменила к громадному входу фабрики, который стоял распахнутым, но перед этим повернулась к тени здания.

— Я приготовила кое-какие закуски.

Рабочие радостно подняли руки, но пожилой прораб встал.

— Сино-сан, горячий чай вкуснее всего, пока он не остыл. У тебя есть? Этим ребятам он нужен больше всего. Я не могу позволить им вконец истощиться.

— Да. Я предчувствовала, что Вы это скажете.

Молодые рабочие выдали протестующие стоны, но пожилой прораб утихомирил их взглядом.

Сино им всем улыбнулась.

— А ещё у меня есть холодные напитки.

— Сино-сан, не балуй их. Они и так уже медлительнее некуда.

— Порой необходимо расслабляться.

— Точно, точно, — согласились с улыбками молодые рабочие.

Сино поставила корзину, вытащила всё ей приготовленное и разложила на развёрнутую скатерть.

Она выложила маринованные в мёде лимоны и бутылки охлаждённой газировки. Конфеты оказались домашнего изготовления. У неё также были бутерброды с арахисовым маслом, довольно тонко нарезанные, но на пустой желудок вполне кому-то сгодятся.

Но гвоздем программы был чай и ёкан[[]]Ёкан, Yōkan (яп. 洋かん) — национальное японское лакомство. Представляет собой густую желеобразную пастилу, основными компонентами которой являются паста из красных бобов (иногда из белых бобов), агар-агар и сахар. Продаётся обычно плитками. . Сино разрежала последний, но молодые рабочие начали тянуться к нему до того, как она закончила, и пожилой прораб повысил голос.

— Не жадничайте, ребяташки! И нижний край принадлежит Сино-сан. Даже не вздумайте к нему прикасаться.

Она горько улыбнулась и воспользовалась своим повседневным опытом, чтобы аккуратно разделить ёкан даже для нечётного количества людей.

С нетерпеливо ожидающими рабочими за спиной, она вонзила в каждый кусок по зубочистке.

— Ax.

Нечто прибежало на четырёх ногах.

Это была собака.

Большой белый пёс размером ей по пояс нетерпеливо бегал вокруг.

— Широ.

Пёс игриво потёрся о её голову. Он счастливо толкал её за собой и прижимался к ней, но окружающие рабочие прекратили всякое движение.

Она проследила за их взглядами и глянула себе под ноги. От её присевших ног потянулась тень, но только её тень.

При ближайшем рассмотрении на Широ выяснялось, что собака была слегка прозрачной.

Затем Сино глянула себе на грудь.

На её воротник от шеи ниспадала цепочка. К ней крепился голубой камень, и в данный момент он испускал голубой свет.

— Это беспокойный свет, Сино-сан, — произнес старый прораб. — Но он любит тебя, потому не будь жестокой.

Со смущенным лицом Сино улыбнулась.

— Я могу общаться и наделять формой разумы различных типов. Эта сила досталась мне в наследство, поэтому она меня не беспокоит. И Широ явится ко мне, даже если я его не позову. Как он сделал в тот самый раз.

Сино повернулась ко входу на территорию фабрики.

За границей Концептуального Пространства находились врата в реальный мир. Врата были открыты, но с одной стороны у дороги лежал камень.

Плоскую плиту, по размерам напоминающую ту, которой накрывают закатанные банки, покрывал мох, но перед ней стояла ёмкость с водой и цветы.

— Когда мы впервые выпустили его наружу, я так обрадовалась, как его хозяйка, что выбежала прямо на дорогу. И потом...

— Не переживай из-за этого так сильно, Сино-сан. Широ всё ещё жив. Это его дом, и твоё окружение — его территория.

— Да. Я всё ещё помню, что Микоку мне тогда пообещала. — Она улыбнулась в землю. — Она пообещала, что однажды... однажды создаст мир, который сможет преодолеть смерть.

Сино потянулась рукой к плечу Широ, и пес её облизал.

Она могла его ощутить, но знала, что это не более чем сила её камня. Форма собаки была создана концептуальной силой, которую камень производил через неё.

— Иногда я опасаясь, что использую эту силу и на всех вас.

— Не волнуйся, Сино-сан. Иногда ты готовишь не очень вкусно, но на лицах парней всё написано, разве нет? Если ты контролируешь нас своим концептом, мы всегда бы были довольны едой.

Она и Широ оглянулись и увидели на лицах нескольких рабочих неловкие взгляды.

Не зная, как отреагировать, Сино горько улыбнулась, и они сделали то же самое.

— Эм... Когда это случится, прошу, сделайте мне выговор. Так я буду чувствовать себя лучше.

— Но... ну... Как же мы можем... О, прораб! Ты тоже с нами ешь, так что ты и сделай!

— Не глупи. Я родился во время войны. Понадобится нечто этакое, чтобы я жаловался на еду. К тому же...

Он глянул на восток. Между деревьев виднелся Такао, и ещё дальше просматривался Хатиодзи, окутанный слабым маревом.

— Она приёмная дочь людей, которые нашли применение мне и этой фабрике после того, как казалось, что не осталось никакой надежды. Даже если она предложит мне яд, я его съем.

— Прораб! Вы так говорите, но вы всегда первый в очереди после Сино-сан за ёканом!

— Смотрите внимательней, дурачье. Мой тест на диабет оказался положительным. Я рискую здесь своей жизнью.

— Э-э, прораб? Это на деле очень серьёзно.

Сино начала гадать, сможет ли она сделать ёкан с низкой концентрацией сахара.

Продолжая глядеть в сторону Хатиодзи, в уголках губ прораба возникла улыбка.

— Ну, всё обернулось довольно забавно. Эта фабрика почти полностью набита людьми из других миров, а я единственный из этого мира. Моя семья думает, что я просто вожусь со старым барахлом, — сказал он. — Между тем Сино-сан, тебе известно, что Хатиодзи, этот город западнее Токио, бомбили во время Второй Мировой Войны?

— Э?

— Странно, не правда ли? Со всеми этими прядильными фабриками, при кройке одежды во время войны он извергал в воздух дым. От этого, должно быть, они напоминали военные заводы. Ранним утром второго августа 1945-го, сто семьдесят В-29-х сбросили 67 000 напалмовых бомб и убили свыше четырёхсот человек. Более восьмидесяти процентов города было сожжено дотла.

Старый прораб потянулся к карману и вытащил сигарету.

Несмотря на топливные и масляные баки вокруг него, он зажёл спичку.

— И это не всё. Пятого августа, когда после бомбардировки снова пустили эвакуационный поезд, его разнёс воздушный налет Грумманов на туннель Такао. Они обстреляли пулемётным огнём набитый толпой поезд и убили около девятисот.

При своих спокойных словах он вдохнул и выдохнул сигаретный дым.

— Но и после этого не пришло никакой помощи. Даже от того спецподразделения в Окутаме.

— ...

— После того как я услышал о них от Хаджи, я осознал, что с концептуальной силой, которая у них была, они наверняка могли бы что-то сделать. Я знаю, что просто жалуюсь, и у меня теперь семья, но всё равно думаю, что нужно выразить какой-то протест, — Он улыбнулся, и подхватил сигарету. — Не рассказывай Микоку. По ней и не скажешь, но эта девочка порой бывает слишком отзывчивой.

— Вам не нужно об этом переживать до тех пор, пока Вы сами ничего не расскажете.

Сино встала и погладила Широ по спине.

— Мне бы хотелось, чтобы Вы как-нибудь показали мне окрестности Хатиодзи.

— Этот молодняк может показать тебе места получше. Разве что ты хочешь, чтобы люди подумали, будто ты присматриваешь за своим дедушкой или вроде того. — Прораб указал в сторону задней части здания. — Что более важно — Микоку вон там. Она тренируется с Тацуми, перед отправкой в Курасики сегодня ночью. Какая ерунда.

— А что там с Алексом?

— Его вооружение ещё не прикрепили, но он должен быть готов. Он успеет как раз вовремя, чтобы получить то, что вам нужно. Если весь этот молодняк будет делать своё дело, то так и будет.

Молодые рабочие протестующе застонали, но Сино заговорила на их фоне.

— Так или иначе, мы ждали этого десять лет. Армия, наконец-то, начинает выдвигаться.

Зелень деревьев выглядела почти голубой.

За листвою проглядывалось предвечернее солнце, но яркость его летнего света не угасала.

В резком лесном контрасте света и тени выделялось две фигуры.

Впереди шагал молодой человек в белом.

Пока он без каких-либо усилий продвигался через лес, его длинные золотые волосы развевались за спиной.

За ним следовала женщина с волосами до плеч. Она хмурилась и связала сбоку подол своего белого одеяния.

— Эй, богатенький мальчик, — позвала она мужчину. — Куда ты меня ведёшь?

— Ну, увидишь, — он остановился и не стал к ней поворачиваться. — Мияко, я даю тебе сбежать.

— Что?

Мияко остановилась у него за спиной, но он всё равно оглянулся по сторонам.

— Всё не так просто. За нами могут наблюдать горничные.

— И если так?

— Они меня обругают.

Аполлон повернулся к ней и улыбнулся, но Мияко не сомневалась, что он лжёт. Улыбка не достигла его глаз.

Должно быть что-то ещё. У них есть автоматические куклы, способные стирать воспоминания, поддерживать воспоминания и управлять гравитацией. Это должно храниться в секрете, и то же касается их хозяина.

...Если меня поймают при побеге, то накажут только меня.

Тогда почему Аполлон осматривался по сторонам?

Осознав, почему он это делает, она цокнула языком.

— Спасибо, богатенький мальчик.

— Прошу, зови меня Аполлон, Мияко. Ты дала куклам имена, но по-прежнему обращаешься ко мне дворянским титулом.

— «Богатенький мальчик» это не дворянский титул.

— Правда? — Он приложил руку ко лбу. — Но концепт общего языка сообщает мне, что он ссылается на сына богатой семьи.

— В словах иногда кроются нюансы. Но если ты их не улавливаешь, полагаю, это не важно.

— Как скажешь.

Его глаза озарила улыбка.

Какой безобидный дурачок, — подумала Мияко. — Ну, кажись, это лучше дурочки вроде меня, которая вечно подозрительно косится по сторонам.

У неё было чувство, что Мойра 1-я и остальные обращаются к нему «господин» не только из чувства долга.

...По крайней мере, мне не хочется его обманывать.

Она внутренне вздохнула.

— Так что же тебя так разжалобило, что ты решил дать мне шанс сбежать?

— Проще говоря, от тебя слишком много хлопот.

Он снова выдал свою улыбку одними губами.

Это ложь, — подумала Мияко, но постаралась, чтобы её мысли себя не выказали.

— Совсем неудивительно, — пожала плечами она. — Я проигнорировала твои намерения и дала твоим горничным имена. Мне нечего жаловаться, если ты прогонишь меня прочь.

— Я рад, что ты понимаешь.

Лицо Аполлона выглядело несколько бледновато.

Возможно, виной тому просто тени деревьев. В конце концов, они лишь прогулялись вокруг небольшой горы. От такого даже Мияко не запыхалась, а уж он был мужчиной.

...Я чересчур переживаю.

— Так как же отсюда выбраться?

— У этого Концептуального Пространства ослабленные границы. Чем дальше ты отходишь, тем слабее становится концепт. Жизнь машин должна быть тут довольно слабой. Окончательная черта в паре метров впереди.

Аполлон вытащил из-под плаща металлический стержень. Он взмахнул им, и тот удлинился в посох.

— Чтобы прорваться сквозь эту линию, держись за это и шагай прямо через неё.

— О? Но, ну, я оставила там все мои вещи.

— Не переживай. Я прихватил твой... кошелек для мелочи?

— Не глупи. Тут все мои кровные деньги.

— Мои извинения. Этот мир использует бумажные деньги, не так ли? Видимо, у вас острая нехватка ресурсов.

— У тебя, видимо, острая нехватка мозгов. Смотри внимательно. Если ты возьмёшь эту банкноту и согнёшь часть с лицом так, а потом вот так... Гляди, снизу он улыбается, а сверху плачет.

Она протянула банкноту Аполлону, и он пристально на неё уставился.

— ...

Через некоторое время, он развернулся, и его плечи затряслись.

Это был полный провал, — подумала Мияко про себя.

— Если уж хочешь посмеяться над моей глупостью, не сдерживайся, дурачок.

— Д-дело не в этом. Я просто осознал, какая мягкая на самом деле культура Лоу-Гира.

— Если пытаешься быть тактичным, постарайся получше. И это далеко не все мои пожитки.

— Да, я взял и остальное. Вот твоё нижнее бе... гвх!!

Мияко шагнула вперед, ткнула его локтем в бок и выхватила два куска белой ткани. Она стиснула зубы и выплеснула слова в скрюченную покрытую плащом спину.

— Я смотрю, бог солнца Аполлон такой же извращенец, как и рассказывают мифы.

— Так вот что они говорят обо мне в этом мире?

— Ага, и что ты аж слишком хорошо ладишь со своей сестрой. Ты никогда не слышал о моральных устоях?

— У 3-го Гира не было иного выбора. Я единственный, кто оставался со способностью иметь детей, поэтому пытался делать это с множеством разных женщин, извлекал их концепты и воли в Концептуальное Ядро и превращал их в Богов Войны. ...И всё по указанию моего отца.

— Ты просто делал то, что тебе велело начальство? — бросила она в ответ.

Мияко внутренне вздохнула.

...Мы во многом схожи, так что не мне говорить. Вообще, я даже не дошла до того, чтобы выполнять указания начальства. Меня отшили на собеседовании.

Но Аполлон не возражал. Он лишь опустил ресницы и выпрямился.

— Семья не была под запретом, поэтому Артемиду действительно проверили под конец.

Фраза «под конец» привлекла внимание Мияко. Она любопытствовала, почему он оставил свою сестру напоследок.

...Обычно, разве ты не проверишь такого важного человека перед всеми остальными, чтобы его у тебя не забрали?

Нет...

...Он боялся узнать, что это не сработает?

От домыслов на эту тему ей стало не по себе.

Мойра 1-я ей не рассказала, что случилось с Артемидой.

Зевс и остальные вернули дочь Реи, разделили Концептуальное Ядро на две части, передали одну половину Тифону, а вторую его оружию, под названием Керавнос. Но во время атаки Лоу-Гира Керавнос был украден. С пропажей половины Концептуального Ядра, 3-й Гир постигло уничтожение.

Мияко не знала, что произошло с Артемидой, но, похоже, её больше здесь не было.

— Я толком ничего не понимаю, но постарайся и ради своей сестры.

— Постараюсь.

На губах Аполлона образовалась слабая улыбка.

Он лжёт, — снова осознала она.

Мияко не знала, почему он лжёт, но понимала, что эта улыбка олицетворяет ложь.

Девушка подумывала допытываться дальше, но он пытался её выпроводить. Она решила не преследовать правду, потому что была не более чем временным посетителем.

— Но что ты будешь делать с этого момента?

— Я не уверен.

— Постой-ка. Как это место протянет с таким хозяином? Ты можешь использовать этого гигантского белого Бога Войны, ведь так?

— Не я его пилотирую.

— А кто же тогда? Разве ты не единственный человек на этой базе?

— Даже если так, его пилотирую не я.

— Ясно, — сказала она, кивая.

Когда дело касалось Тифона, все они смыкали губы. Мияко не получит ответа, спрашивая об этом здесь, поэтому она вздохнула.

— Ну, ты будешь сражаться с людьми из моего мира, разве нет? И ты не остановишься, если я тебя попрошу.

— Нет. У нас есть на то причины. Я уверен, ты в курсе.

Услышав это, Мияко спросила о том, что её интересовало.

— Ваш противник — ребёнок Реи?

После небольшой паузы, Аполлон кивнул.

На его губах не было улыбки, так что Мияко ему поверила.

Повисла тишина.

Это давало ей причину сбежать. Она ощущала, что, в отличие от него, принадлежала к миру, который ничего не знал о сражении.

Мияко приоткрыла уста и в шутку произнесла:

— Значит, в случае победы ты на ней женишься?

— Да, полагаю, что так.

Мияко нахмурилась, потому что это прозвучало, будто до него только сейчас дошел сей факт.

— Ты никогда раньше об этом не задумывался? Как ты можешь двигаться дальше, если даже не думаешь о таких вещах?

— Это не я сражаюсь. Должно быть, я особо об этом не думал из-за того, что полагаюсь на других. ...Хотя это несколько проблематично. Как только мы выиграем это сражение, я подумывал переехать в другое место. — Он глянул в сторону Курасики. — За этим городом ещё больше городов, гор и океанов, не так ли?

— Конечно же.

— Ясно, — его лицо смягчилось. — Мой дед говорил мне, что это огромный мир. Я бы не прочь сперва увидеть эти вещи. Я хочу увидеть мир, купаясь в лучах утреннего солнца. Если рядом будет жена — так даже лучше.

— Прекращай уже грезить. Разве это не произойдет, только если вы победите?

— Да, и наш противник силен.

Он продолжил и задал вопрос:

— Ты видела битву Тифона и того чёрного Бога Войны?

В воспоминаниях Мияко возникла некая сцена. Тифон пролетел в небе мимо чёрного Бога Войны. Тифон неожиданно сменил расположение и нанёс удар другой машине.

В самом конце чёрный Бог Войны атаковал молнией, но Тифон устоял.

— Этот чёрный и вправду такой опасный противник?

— По могуществу он не уступает Тифону. Хотя с чисто механической точки зрения, Тифон сильнее.

— Тогда, чёрному не победить, — откликнулась Мияко, почёсывая затылок.

Попыталась бы сказать это более разочарованно, — подумала она про себя.

Но Аполлон прищурился.

— Он вполне может победить.

— Как?

— Хороший вопрос. Я точно не знаю. Но мой дед сказал, что если Тифон однажды будет повержен тем чёрным Богом Войны, то следует передать всё Лоу-Гиру.

— Старик любил загадки, да? Мне это не по душе. Так что же ты должен делать? Если тот чёрный Бог Войны победит Тифона и убьёт тебя, 3-й Гир просто продаст себя Лоу-Гиру?

...Не смешите.

— Ведь никого из людей 3-го Гира больше не останется.

— Есть ещё дочь Реи, — заметил он.

— Рея переметнулась в Лоу-Гир! Она присоединилась к этому миру. Для нас чёрный Бог Войны вроде героя, который сталкивается с гигантскими мехами злодейской организации.

— Я не уверен, что это значит, но это правда, что она официально известна как житель вашего мира. Но...

— Но?

Она нарочито не скрывала своё негодование, и Аполлон медленно продолжил.

— В данный момент тот чёрный Бог Войны не может победить Тифона, и всё это в скором времени разрешится. Я бы хотел одержать победу, пока возможно, и сейчас мы в выигрышной позиции. Разве с этим какие-то проблемы?

— Да нет никаких проблем, дурачок. И если это твоё решение, почему ты вообще говоришь, что чёрный может выиграть, и начинаешь об этом спорить? Прекрати всё запутывать и будь проще. Скажи, что другая сторона сильна, но это не проблема.

...Аа, почему я отчитываю этого идиота?

Она нахмурилась и глянула Аполлону в глаза.

Он вернул взгляд с серьёзным выражением лица.

В его глазах стояла такая же желтизна, как и у Тифона той ночью, но эмоции сейчас отличались.

Что это было за чувство? Ей казалось, что Аполлон знает ответ.

— Ну, как знаешь. Останься я тут спорить против мыслительного процесса богатенького мальчика, на это уйдет целый день. ...Ты хочешь, чтобы я ушла, да?

— Да, — серьёзность покинула его лицо, и на губах появилась улыбка. — Но я не стану тебя принуждать. Ты упивалась собой, убегая от реальности с горничными, разве нет?

Эти слова подхлестнули её бунтарскую натуру, и сама собой дернулась рука.

Мияко вырвала у него металлический посох и отвернулась спиной.

...Проклятье.

Если девушка пройдет вперед с этим посохом, всё закончится. Её одежда была нелепой, и она носила сандалии вместо туфель, но у неё было нижнее белье и кошелек. Если Мияко купит футболку или вроде того, то как-то переживёт. А начнет кто на неё странно смотреть — она умела отпугивать людей одним взглядом.

...Пора уходить.

Мияко фыркнула в сторону человека у себя за спиной и начала идти.

После первого шага, её тело само собой подхватило темп.

В её походке не было лишнего напора или вины, поэтому девушка вздохнула с облегчением и продолжила движение.

Она немного засомневалась, когда подумала о Мойре 1-й.

Раздавая горничным имена, Мияко пыталась внести в их среду приятные изменения.

...Но это действительно докучает их господину.

Она решила уйти.

Хозяин этого места замешан в странном конфликте, и он, похоже, не хотел её ввязывать.

Мияко вспомнила свои непрекращающиеся попытки найти работу. Вплоть до самого конца, она строила себе планы о том, что бы делала, если бы её взяли в ту компанию, но всегда пасовала в последний момент.

Это то же самое, — сетовала она в своём сердце.

Аполлон за ней не последовал. Это её раздражало, потому она ускорила темп.

Но...

— ...

Мияко неожиданно остановилась.

...Что же я делаю?

Это мысль началась с её правой руки, сжимающей посох.

Девушка ощутила в этой руке тепло.

Днём она непрерывно размахивала мотыгой. Тепло её хватки напоминало боль.

Мияко использовала мотыгу, чтобы выкапывать грязь, накладывала её в горшки и сажала семена, с которых куклы себе взяли имена.

Их горшки теперь выстроились вдоль южного края белого здания.

Она была частью всего этого.

— ...

...Разве я могу просто уйти?

В её голове всплыли «наивность», «детская забава» и прочие термины, которые ей то и дело говорили люди.

Но её внимание переместилось на боль в руке.

...Я сумела чего-то добиться, разве нет?

Автоматические куклы взяли себе имена и хотели их использовать. Чтобы идеально их записать, наверняка лучше всего, чтобы эти имена использовал надёжный человек.

Около шестидесяти лиц, которые она запомнила прошлой ночью, совпадали с таким же количеством имён.

Фиалка, первая кукла, которую назвали, затем спросила об её имени.

Девушка в очередной раз ответила: «Мияко».

Её отец назвал её так, чтобы вокруг неё собралось множество людей. [□]Мияко означает

«столица».

Она задумалась о собственном имени и имени, которым куклы начали её называть.

...Ну?

— Я что?..

...Я что, пытаюсь сбежать от своего имени?

— ...

На ответ ушло некоторое время. В её голове возникало множество разных мыслей, но она тут же их отбрасывала.

Мияко хорошо умела продираться к ясному ответу. А ещё хорошо умела сожалеть и прощать.

Она повернула свои остановившиеся стопы назад. Мияко насупилась, стиснула зубы и, вероятно, имела очень мрачное лицо, но понимала, что это для того, чтобы спрятать её истинные мысли.

И даже попытайся она их спрятать, они всё равно никуда не денутся.

Поэтому Мияко приняла определённое решение.

...Я остаюсь здесь.

— Тут есть кое-какие незаконченные дела.

Мияко развернулась, чтобы сказать кое-что Аполлону. Он пытался её спроводить, поэтому девушка хотела как-то получить его разрешение остаться.

Но она увидела нечто неожиданное.

— Пойдите-ка.

Аполлон сидел на земле там, где стоял за миг до этого.

Он выглядел так, словно утонул в траве и, похоже, совсем не дышал.

— Ты чего это, дуралей?

Она двинулась, побежала и поспешила к нему, отбрасывая металлический посох.

...Что происходит?

Разве на границе Концептуального Пространства должны ослабевать не только машины?

Мияко подбежала и торопливо села рядом с ним. Мужчина обильно вспотел, слабо дышал и его лицо почти полностью побелело.

Когда он выглядел бледным ранее, она не обращала внимания.

— Вот же дурак.

При этих словах ей показалось, будто вся сила покинула её ноги.

— А?

Она глянула вниз, и травянистая земля дрожала.

В этот же миг Мияко заметила, что они с Аполлоном находятся рядом с краем обрыва в лесу.

И земля подкосилась под ними и в сторону склона.

— !..

Она упала.

Некая деревянная комната имела площадь шесть квадратных метров, полки и корзины у стены, весы и холодильник.

Сбоку холодильника значилось: «Недвижимость клана Тамия — никаких изменений».

Это была раздевалка в мужской ванной дома Тамия. Часы на одной из полок показывали 17:50.

Через раздвижную дверь рядом с часами вошла фигура.

Это была Синдзё.

Она несла в руках голубую юкату, и была одета в школьную форму.

— Эм...

Чтобы убедиться, что в раздевалке никого нет, она огляделась по сторонам и затем открыла дверь с матовым стеклом в ванную комнату.

За тёплым и влажным воздухом Синдзё увидела выложенную плиткой ванную. Место для мытья было около шести квадратных метров, и довольно глубокая ванна оказалась ничуть не меньше. В площади для мытья находилось четыре крана и душ, поэтому девушка предположила, что её обычно использовали посменно четыре человека.

— Разве обычный дом может себе позволить такую ванную?

Ей была знакома лишь громадная купальня для сотрудников UCAT, и даже большая публичная баня под названием «Вечный Подсолнух», так что она не знала, как судить о купальном помещении клана Тамия.

...Я совсем не ожидала, что проведу здесь ночь.

Это случилось из-за разрушения дома Хибы.

Изумо и Хиба остались в комнате общежития Саямы и Синдзё, тогда как Микаге и Казами остались в комнате Изумо и Казами. Кто-то предложил позволить Хибе и Микаге разделить комнату, но первый семестр только закончился, и множество учеников ещё не вернулись домой. Изумо и Саяма это обсудили, и пришли к следующему выводу:

— Если заметят, как первогодка и блондинка заходит в комнату Саямы, прославленного своим идиотизмом, поползут слухи.

— Глупец. Если заметят, как они вошли в комнату некой неутомонной парочки, люди подумают, что это какая-то новая спальная игра.

После этого все остановились на нынешнем распределении.

Микаге выглядела обескураженной, что волновало Синдзё, но, похоже, немного успокоилась, как только Изумо передал ей дневник из вещей, собранных под разрушенным домом.

Когда Синдзё представила, что дневник сродни её папке, она ощутила облегчение.

...У каждого есть что-то подобное, не так ли?

— Да уж, — сказала она перед тем, как затворила стеклянную дверь в покинутую ванную.

Девушка на всякий случай проверила все корзинки для одежды, но они все пустовали. В ванной действительно никого не было.

Кодзи и остальные готовили на кухне ужин для ночной смены.

Она и Саяма поели рано, и парень отправился в гостиную читать газету, но в какой-то момент исчез.

Если Синдзё хотела безопасно принять ванную, это её шанс. В конце концов, этот дом постоянно находился под влиянием пространства Саямы. Она должна поскорее закончить купание и отправиться спать пораньше в подготовке к завтрашнему тренировочному лагерю.

Синдзё потянулась к обратной стороне раздвижной двери и поместила на наружный столбик табличку «занято гостем».

После этого, она молча разделась. Сняла рубашку, штаны, нижнее белье и носки, оголив кожу.

Под одеждой показалось тело Сецу.

Синдзё потянулась за полотенцем, слабо обняла грудь и продолжила. Она открыла дверь в наполненное паром пространство.

— Ух.

Пар оказался гораздо плотнее, чем в привычных для неё больших банях, и она быстро вспотела.

Солнце за окном ещё не зашло. В привычных больших банях Синдзё не могла увидеть этот свет. Чтобы убедиться, что никто не сможет подсмотреть, она проверила, что окно закрыто, и даже осмотрела углы ванной на наличие скрытых камер.

Синдзё обеспечила себе личное местечко.

...Ура.

Она присела, словно скрывая тело за паром, и подтянула ближайший таз для мытья.

— Хм?

Он оказался довольно тяжёлым, потому что уже был наполнен водой.

Она никого не обнаружила в ванной, но вода почему-то была тёплой. Гадая почему, Синдзё присмотрелась к нему поближе.

Внутри плавало нечто знакомое: Баку.

У края таза маленький зверёк отрабатывал передними лапками порхающие движения кролем.

От издаваемого им тихого плеска Синдзё нахмурилась. Она огляделась вокруг и даже на потолок, но...

— Его хозяина здесь нет.

Баку здесь один? — Любопытствовала она.

Как бы там ни было, Саямы определенно здесь не было, и у неё нет времени для сомнений.

— Мне нужно закончить купание.

Синдзё громко произнесла самой себе, подхватила другой таз и наклонилась над ванной.

Она глянула вниз и её глаза встретились с Саямой, который лежал на дне лицом вверх.

— ...

Заметив её с голубых плиток под водой, он поднял руку.

Она даже увидела, как его рот зашевелился в повседневном приветствии.

— В-ваааа!!

Саяма ответил на её крик быстрым подъёмом из воды. В воздух поднялись брызги и пар, и он пригладил свои волосы левой рукой.

— Хух. Почему ты кричишь, Синдзё-кун? Ты увидела нечто странное?

— Перед тем как спрашивать, посмотри в зеркало!

Саяма повернулся к зеркалу на боковой стене ванной, и затем нахмурился.

— Ясно. Так вот в чём проблема.

После нелепого комментария парень поправил свои мокрые волосы. Он попозировал перед зеркалом, ещё раз подправил причёску и затем проверил форму своего лица под углом.

— Это должно всё уладить. Ты на удивление придирчива к внешности, Синдзё-кун.

— Конечно, — она кивнула и улыбнулась. — Эм, Саяма-кун? Я только что сделала поразительное открытие: ты сумасшедший!

— Это действительно неожиданно. Успокойся, Синдзё-кун. Мы можем уладить это недоразумение. У тебя есть ко мне какие-то вопросы?

— Я бы лучше не спрашивала ради моего здравомыслия, но... почему ты лежал в ванной под водой?

— А, это, — он поднял правую руку, показывая на запястье часы UCAT. — Со времён далекой юности я тренировался задерживать дыхание. Мне по-прежнему далеко до моего лучшего времени.

— Со времен далекой юности?

— Да. Я обычно соревновался с моим дедом. Он говорил, что я не могу подниматься, пока не досчитаю до ста, после чего этот ужасный старик держал мою голову под водой, что я едва не умер. Позже, когда погружался он, я вылил кучу мощного средства, чтобы его стерилизовать. Сцена его буйства в пузырях словно сошла с экранов фильма катастрофы. ...Все пожилые люди в наши дни настолько ужасны. К счастью, их количество недавно уменьшилось на один.

— Мне кажется, кое-кто быстро растёт ему хорошей заменой.

— Ха-ха-ха. Не о чем беспокоится. Я из более высшей касты, чем он.

Синдзё казалось, что это достаточный повод для беспокойства, но затем он задал другой вопрос:

— Ты желаешь ещё каких-нибудь объяснений?

— Э... Ну, в раздевалке не было твоей одежды.

— Как странно. Я как обычно поместил её в холодильник.

— Что значит «как обычно»?!

— Там говорится «Недвижимость Клана Тамия», разве нет? На самом деле он функционирует как сейф. Он раньше стоял на кухне, но ключ потерялся на целых полгода. Содержимое после этого выглядело неопишимо, я тебе скажу.

— Ладно, мне кажется, я понимаю ситуацию. ...Глупо рассчитывать от тебя на здравый смысл внутри пространства Саямы.

Осознав, что всё пропало, Синдзё повернулась спиной. Купание ей больше не светит. Она также решила вести себя осторожно у холодильников в доме. С этими решениями её улыбка приобрела натянутость.

Но затем за стеклянной дверью в ванную появилась фигура. Синдзё могла разглядеть только цвет плоти, завернутый в розовое полотенце.

— Яху, Сецу-тян? Я тут, чтобы помыть тебе спинку.

— Э? Рёко-сан?

Не сдерживая замешательства в словах, Синдзё неожиданно окутал небольшой ветер.

В мгновение ока её тело поменялось на Садаме.

— !..

Девушка ахнула как раз когда дверь начала открываться.

Она неистово ухватила за дверь с матовым стеклом, чтобы не дать Рёко её открыть.

— Э? Эта дверь что, неправильно стоит?

— П-проблема не в этом! Э-э, Саяма-кун!! Саяма-кун, эм...

— В чем дело, Синдзё-кун? Это всего лишь Рёко. Тебе незачем так сопротивляться.

— Незачем? Н-но мы не можем дать ей нас увидеть!

Рёко отреагировала на этот крик.

— Сецу-тян? Что значит, вы не можете дать вас увидеть? Вы двое занимаетесь чем-то удивительным?

...Недоразумение! Как я должна это объяснить? Нет, мне лучше избегать любых объяснений.

Она испытывала трудности с расстановкой приоритетов для разных вещей, и начала колебаться.

— Э? Ну, дело не в этом. Видите ли... Почему ты просто смотришь, Саяма-кун?!

— В последнее время я стал задумываться, не был ли я к тебе ненамеренно груб, Синдзё-кун.

— С-сейчас не время для внезапного проявления чуткости. Прекрати смотреть и подойти сюда!

— О! Я тоже хочу посмотреть! Впустите меня!!

Рёко начала трясти дверь подобно обезьянке, но Синдзё выдержала.

— Аай, Саяма-кун! Прошу, хватайся! Хватайся и помоги мне!

— Как пожелаешь, — услышала она его слова.

В следующее мгновение, его руки крепко ухватились... за её зад.

Он твердо сжал её пальцами, пропитанными теплом ванной, и спокойно произнес:

— Синдзё-кун, я ухватился, но что я должен теперь делать? Ты просила о помощи, но я практически ничего не в состоянии поделать из этого положения.

— Саяма-кун, это одна из тех ненамеренных вещей, о которых ты только что упоминал. ...Аа! Прекратите, Рёко-сан!

На её крике от раздевалки приблизились новые шаги, и дверь, ведущая к ней, распахнулась.

— Сестра! Что ты делаешь в мужской ванной?!

— Хм? Ты ещё и спрашиваешь, Кодзи? Я хотела помыть Сецу-тяну спинку.

— Тебе известно, что Сецу-кун парень, верно? И он не из нашей семьи.

— Не глупи, Кодзи, проказник. Раз он в нашем доме — он из нашей семьи.

— Слушай внимательно. У различных семей есть собственные правила, поэтому прошу, когда они здесь, постарайся их придерживаться. Ты не можешь неожиданно навязывать им нашу манеру поведения. Сецу-кун может так никогда больше не прийти.

— Не переживай. Чтобы убедить его вернуться, я прихватила водонепроницаемую камеру. ...А! Почему ты её забрал?!

— Чтобы не дать тебе совершить преступление!!

За дверью раздался задумчивый стон Рёко, но она тут же беспечно произнесла:

— Слушай, Кодзи, слушай. Ну, мне кажется, что Сецу-тян во многом как мы.

...Она на удивление наблюдательна.

Но мысли Синдзё не достигли Кодзи. Она услышала его вздох.

— Сестра, ты когда-нибудь слышала о здравом смысле?

— Естественно. Я получила 5 на уроках японского языка.

— В процентной шкале, полагаю? К тому же, это мужская ванная. Как твой помощник, я не могу позволить президенту подрывать нравы компании.

— Э? Кодзи, ты такой строгий. Я сейчас не на работе, поэтому я тут как личность, а не как президент.

— Хорошо, хорошо. В таком случае, я скажу то же самое, как твой брат. Покинь это место, сестра.

— Нечестно!! Ты хочешь сказать, что позволяешь находиться в ванной молодому господину и Сецу-тяну, но не мне?

— Да, потому что они оба парни! Даже если Сецу-кун из тех, кто наверняка станет жертвой чего-либо, не пройдя и пяти метров по Бронксу!

О, значит, вот каким они меня видят, — подумала Синдзё со странным чувством понимания.
— И Кодзи относительно нормален, так что звучит довольно убедительно.

Сила с обратной стороны двери исчезла, и она услышала отступающие звуки сопротивления старшей сестры.

— А! Стой, Кодзи! Ты действительно собираешься выбросить меня наружу в одном полотенце?! Ты не можешь этого сделать просто потому, что мама с папой отправились на охоту за медведями в Каруидзаву. Ох, ну давай же! Я прокляну тебя до бесконечности!!

...Никогда бы не подумала, что она такое скажет.

Плечи Синдзё расслабились, она смахнула руки, восхищающиеся её задом, и схватила таз для мытья.

— Эм, Саяма-кун? Тут всегда так?

— Живенько, не правда ли?

У неё не было причин отрицать, потому она вздохнула и кивнула.

После того как девушка облилась водой и вошла в ванную, всё её тело расслабилось.

Синдзё вздохнула, и Саяма сел рядом с ней. Она ощутила, как горячая вода пропитывает тело, но едва лишь присела, немного сжалась.

Девушка задумалась почему, и быстро нашла ответ.

...Если подумать...

— Э-эм, это первый раз, когда мы вместе в ванной, со мной в теле Садаме, разве нет?

●

Синдзё спрятала руками тело под водой, и Саяма рядом с ней горько улыбнулся.

— Расслабься. Я не сделаю с тобой ничего, чего ты не захочешь.

Ей захотелось выразить сомнение, но она решила, что не стоит.

Бывали времена, когда это правда.

— Да, я знаю. Я всегда сопротивляюсь и почти плачу, но ты останавливаешься.

— С тех пор как мы это делаем, прошло около двух месяцев, но в твоём теле произошли какие-то изменения?

Синдзё покачала головой.

Она пообещала той ночью два месяца назад, когда впервые раскрыла свою личность.

Девушка давала ему время от времени проверять свое тело, но у неё по-прежнему не было месячных.

— С моим мужским телом тоже никаких изменений.

Ей показалось, что такой формулировкой перекладывает вину на него, поэтому захотела сказать что-то ещё. Она глянула на него с готовностью во взгляде, и он вопросительно наклонил голову.

— В чём дело?

— Ох, ну...

Синдзё не нравились такие прямые вопросы, но было то, что она могла сказать только в такие минуты.

— Н-ну, я счастлива, что ты ради меня так стараешься, поэтому не переживай. Даже если я так себя не веду.

Она давно уже хотела об этом сказать, но, выразив это сейчас словами, покраснела.

Не в состоянии выдержать на себе его взгляд, девушка отвернулась. Пока Синдзё пыталась убедить себя, что покраснела из-за тепла в ванной, Саяма кивнул и выдал небольшую улыбку.

Она отвела взгляд от этой улыбки, опустив голову.

Синдзё потянулась вперёд, схватила колени и потянула их к себе. Когда она обняла ноги под водой, верхушки её колен поднялись над поверхностью. Девушка опёрла на них щёки и сменила тему.

— М-м, мне кажется, это может быть безнадежным.

— Что именно?

Его ответ, похоже, охладил тепло её тела.

Синдзё вздохнула и произнесла мысли, которые пришли к ней, когда как обычно ночью в конце прошлого месяца прибыла одна только боль в животе.

— Моё тело может никогда нормально не развиваться. Я могу всегда получать одну лишь боль.

Синдзё глянула на дно ванной, которое колебалось в воде.

Но затем к её щеке прикоснулось нечто теплое. Влажным и твердым объектом оказался палец Саямы.

Она удивленно подняла взгляд и услышала справа от себя голос.

— Ты помнишь, когда Казами тебя ударила?

— ...

— Я не хочу, чтобы это повторилось. И чтобы убедиться в этом, я помогу тебе иным способом. В конце концов, я тоже этого хочу, — его голос наполнился улыбкой. — И если получение одной лишь боли означает, что ты не можешь развиваться во взрослого, то я такой же.

— ...Ах.

Синдзё быстро перевела взгляд к своему влажному плечу.

Она увидела, что он смотрит на неё своим бесстрастным лицом, но там виднелась сила и жёсткость.

Глядя на это, она прильнула к нему. Девушка ухватила его левую руку своими ладонями, согнула локоть, чтобы притянуть его к себе, и поместила свой опущенный лоб на его плечо. Когда она снова приоткрыла уста, донеслось вовсе не извинение.

— Спасибо.

Синдзё кивнула. И когда опустила голову ещё сильнее, её рот утонул в воде и снова поднялся. Она решила отныне думать более позитивно и произнесла:

— Э-эм, мы сегодня поменялись местами, да?

— Да. В том Концептуальном Пространстве, ты была мной, и я тобой.

Они этого ещё не обсуждали, но его слова вызвали у неё облегчение. Это означало, что их мысли достигли друг друга, и что она была человеком.

— Эм, Саяма-кун? ...Как тебе моё тело?

Саяма кивнул с серьёзным выражением лица, и глянул ей в глаза.

— Оно было очень, очень щупким.

— Да, я знаю, что мне хочется сказать, но не знаю, как бы получше выразится. Это действительно раздражает.

— Ясно. Поистине хорошие слова даются непросто.

Саяма прислонился к внутренней стенке ванной и задумчиво сложил руки.

Синдзё гадала, что у него на уме, но затем вспомнила утро.

Тело Саямы отличалось от её. Она изначально удивилась, насколько выше оказался её взор. И затем осознала кое-что ещё, глядя на своё тело сверху вниз.

...Он всегда достойно на меня смотрит.

Вместо того чтобы взирать на неё свысока, он поворачивал к ней лицо, поэтому она делала то же самое.

Синдзё запоздало задумалась, не смотрела ли она на него всё это время исподлобья.

Когда ей передали Ex-St, её удивление сменилось полным изумлением. Посох оказался гораздо легче, чем когда Синдзё носила его с собой. Она смогла бежать, не теряя равновесие и без необходимости в одышке.

...И он всегда равняет свой темп с моим.

Когда Синдзё бежала в своём привычном темпе в Концептуальном Пространстве, то заметила, как её собственное тело отстает.

Мне с ним не сравниться, — подумала она, опуская голову ещё ниже.

— Заимствование твоего тела заставило меня задуматься.

— Ты хочешь использовать моё тело, чтобы испытать различные вещи в мужском теле?

— Д-да. Как ты узнал?

— Ха-ха-ха. Мне и самому захотелось это попробовать. Я подумал, это поможет понять, что тебя беспокоит. Если тебя сдерживает на уровне психики, то, что произойдет с моим разумом?

— С моей стороны будет неправильно заимствовать твоё тело?

— Если это поможет тебе легче относиться к переменам в собственном теле, я не вижу в этом проблемы.

...Правда?

Синдзё с волнением обняла собственное тело, стиснула зубы и сглотнула.

Но вскоре снова приоткрыла уста.

— Правда, уже поздновато пробовать. Жаль.

— Нормальному человеку такого шанса и не представится. Даже если мы и не смогли воспользоваться таким удобным случаем, то по-прежнему обладаем теми же возможностями, что и все остальные.

— Ты убедительный оратор...

Синдзё горько улыбнулась, испытывая к нему благодарность. Она приняла решение и выровняла дыхание.

— Ты помнишь, что я до этого говорила?

— О чём?

— Это было давно, но я сказала, что... верну услугу. Я знаю, ты говорил мне себя не принуждать, но я сумела ощутить твоё тело сегодня очень близко. Мне бы хотелось использовать это как ориентир для самой себя. И если это сделает тебя счастливым, то и я буду счастлива. Поэтому... эм... ну...

— Ясно. Давай оба постараемся изо всех сил.

— Точно. ...Нет, стой! Твоя идея «изо всех сил» на совершенно другом уровне от моей!

— Ха-ха-ха. Иными словами, твоя на более высоком уровне?

Прежде чем она успела возразить, он с улыбкой её обнял.

И пока они прижимались телами друг к другу, эта улыбка заставила её расслабиться и тихо произнести.

— Давай отныне постараемся делать всё изо всех сил.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3276952>